

DOI 10.35775/PSI.2025.67.2.006

УДК 32

**В.В. СИЛКИН**

доктор политических наук, профессор,  
декан факультета журналистики ИГСУ РАНХиГС  
при Президенте РФ, Россия, г. Москва

## **ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»: РИСКИ, МОДЕЛИ И МЕТРИКИ**

*«Информационное общество», цифровая революция, цифровая трансформация все чаще используются в научном и социально-политическом дискурсе как характеристика современного общества, становятся фокусом внимания при анализе происходящих изменений в системе социальных отношений, социального как целого. Автор рассматривает цифровую трансформацию, формирование новой социальной реальности актуализируют необходимость формирования адекватного ответа со стороны институтов власти, определения оптимальных параметров, способствующих устойчивости развития системы публичного управления как динамичной социально-коммуникативной системы. Автором отмечается, что современные социально-политические реалии требуют качественного осмысления места и роли анализа конфигураций акторов в пространстве политической коммуникации, разворачивающихся информационных обменов в контексте цифровой трансформации.*

**Ключевые слова:** информационное общество, цифровая трансформация, политической коммуникации, новая социальная нормальность, информационная безопасность.

**Цифровая революция: от метафоры к трансформации социальных отношений.** Введенное еще в начале 60-х годов понятие «информационное общество» стало серьезным катализатором для развития теоретико-методологических подходов, формирования поисковых и объясняющих стратегий, футурологических концепций социального развития в новых информационно-коммуникативных координатах, переосмысления роли информации и знаний в развитии общества. В условиях цифровой трансформации и формирования новой социальной нормальности вновь актуализируется потребность переосмысления процессов цифровизации во взаимосвязи и взаимовлиянии с политическими, экономическими, социокультурными изменениями.

Формирование концепций цифровой трансформации обусловлено стремительными изменениями в технологической сфере. Если ранее в исследованиях внимание фокусировалось на смене стадии цивилизационного развития человечества в контексте технологического прогресса (концепт информационного общества рассматривался М. Поратом, Р. Катцем, Д. Беллом, как переход от доиндустриального, индустриального к постиндустриальному; С. Лэшем, С. Круком,

выделяющих предмодернистский, модернистский, постмодернистский этапы социального развития; А. Тоффлером, акцентирующего внимание на характеристиках общества с позиции концепции волн, подчеркивая, что «третья» волна в развитии цивилизации связана с революцией компьютерных технологий, в котором главным ресурсом становится информация; П. Дракером, Р. Ингледартом и др.), то в настоящее время именно развитие цифровых технологий стало серьезным триггером для развития различных концептуальных моделей. Искусственный интеллект, блокчейн, управление большими данными исследуются с разных позиций во фронтире той или иной парадигмы, предпринимаются попытки определения роли и влияния цифровых технологий на различные аспекты социального развития (экономические, политические, социокультурные).

Цифровая эпоха, цифровизация, цифровая революция, цифровая культура, цифровое образование, информационно-технологический сдвиг, инновационно-технологический подход все большее отражение находят в научно-исследовательских и образовательно-исследовательских практиках, в политико-идеологической риторике.

Цифровая трансформация рассматривается с различных методологических позиций, что в значительной степени связано с процессами концептуализации меняющихся под воздействием технологического прогресса социальных и управленческих практик, осмыслением ключевых глобальных трендов, их прогнозом в условиях неопределенности. Сам термин «цифровая трансформация» в настоящее время нельзя отнести к устоявшимся, по-прежнему, его содержание наполняется различными смыслами» [23; 2; 21].

Концепты информации, коммуникации, пространства и времени, идентичность и идентификация, социальная интеграция, статус и соотношение, находятся в эпицентре научного осмысления, поисковых и объясняющих моделей социального управления в условиях «новой нормальности».

Концепте «новая нормальность» появившийся в 30-е годы XX века в США во времена Великой депрессии и получивший широкое распространение после финансового кризиса 2008 года, сегодня вновь стал актуальным в связи с глубокими трансформациями социальных и культурных повседневных практик. «Новая нормальность» как многокомпонентный конструкт, связывается с изменениями ключевых составляющих – экономической, политической, социальной, информационной, культурной. «Новая нормальность» репрезентирует политическую ситуацию неопределенности, турбулентности, разрушения однополярного миропорядка.

Отметим также и возрастание роли информации и информационных технологий в жизни общества, тотальная информатизация, перевод традиционных структур, форм, вариантов и способов социального обустройства (политики, экономики, государственного управления, памятования и др.) в глобальное информационное пространство, а также «наделение данного пространства статусом нормативной, эталонной и судящей инстанции» [18].

Кравченко С.А., отмечает «принципы глобальных технологических преобразований с рациональности, прагматизма и меркантилизма на факторы и последствия этого процесса для человека, социальных групп и общества в целом» [7]. Н. Маррес обращает внимание на изменения взаимосвязи между знаниями, обществом и технологиями под влиянием цифровой трансформации [22]. Подчеркивается, что цифровые технологии продуцируют новые риски и вызовы, которые в настоящее время остаются недооцениваемыми (это и границы приватности, несанкционированного сбора информации и ее использование, вмешательство в личное пространство и цифровое наблюдение, цифровой след и возможности виртуальной репутации и др.).

Доступ к информации рассматривается как индикатор качества жизни (и индивидуальной, и общественной), отмечается значимость культурной ценности информации, изменение отношения к информации (Е.Л. Вартанова, М.И. Максеев, С.С. Смирнов). «Новая нормальность», таким предстает как «...специфическая культурная способность к воспроизведению традиций и обычаев, а также к их изменению и функционированию в новых условиях» [17].

«Принятие Окинавской Хартии глобального информационного общества стало серьезным импульсом для внедрения целого ряда инноваций в области использования ИКТ в органах власти, реализация концепта «электронное правительство» была направлена на информатизацию государственного управления, развитие на основе имплементации новых технологий в деятельность властных структур, в систему взаимодействия с гражданским обществом» [9].

Инновации преимущественно были связаны с автоматизацией и информатизацией, электронным взаимодействием с гражданами и развитием электронного администрирования, переводом в автоматизированный режим функций, внедрение автоматизированных систем принятия решений. Вместе с тем, вопросы, связанные с трансформацией, внедрением новых подходов и принципов взаимодействия, новых подходов и методов, механизмов государственного управления на основе информационных технологий оставались не до конца осмысленными.

В аналитическом докладе «Цифровое правительство 2020: перспективы для России», отмечалась перехода к следующему этапу трансформации – к стадии «цифрового правительства», когда ведомственные процессы опираются преимущественно на данные, а не на документы [20]. Подчеркивая продвижение России в области развития базовых государственных информационных ресурсов (национальных баз данных), сервисов, управленческие процессы по-прежнему недостаточно человекоцентричными.

В качестве детерминант цифровой трансформации и перехода к цифровому государству в контексте социальных изменений выделяются общественная потребность в поиске новых форм взаимодействия с властными структурами, механизмов управления во властных структурах, возрастающая потребность быстрой передачи и обработки, информатизация общественной

и государственной жизни, формированием информационной культуры и устранение информационного неравенства.

В числе первостепенных выделялось обеспечение системности реализуемых инноваций в стратегическом горизонте, обеспечение реинжиниринга административных процессов на основе принципа «цифровые по умолчанию», формирование интегрированного институционального механизма реализации стратегии, «решение вопросов «цифровой инклюзии» с учетом географических и демографических особенностей России» [20].

Формирование новой социальной реальности под влиянием цифровых технологий приводит к встраиванию информационной функции во все виды управленческой деятельности. Все сервисы государственной системы в такой идеологии строятся вокруг потребностей граждан и с максимальным удобством для них. При этом граждане должны быть уверены, что цифровая прозрачность не будет использована против них самих.

Достаточно серьезными барьерами в области цифровизации на современном этапе выступает бессистемность, фрагментарность, внедрение новых технологий без учета возникающих рисков, целесообразности и результативности использования, не сфокусированность на соблюдении прав человека, в том числе, права на неприкосновенность личной жизни и защиту от несанкционированного распространения и использования персональных данных [19]. Повышение уровня цифровой зрелости представляет собой многогранный комплексный процесс, требует стратегического видения перспектив развития цифровых технологий и их интеграции с административными процессами, переводе «на новую технологическую базу», горизонтальной интеграции и взаимодействия государственных органов на различных уровнях исполнительной власти [12].

Стратегической целью цифровой трансформации должно стать не только фрагментарное внедрение технологий, а изменение качества государственного управления, что требует содержательного описания процессного контекста деятельности. Особо значимыми являются аналитические и прогнозные выводы, которые адекватно отражают актуальность принимаемых решений и результаты от претворения этого решения в жизнь. Цифровая трансформация кардинальным образом меняет всю систему социального взаимодействия, проникая во все сферы жизнедеятельности. Трансформационные процессы затрагивают как личностный, организационных, так и социальный контексты.

«Цифровая трансформация» наряду с такими «цифровизация», «цифровые решения», «цифровая среда», «цифровые технологии» рассматриваются как определяющие современные тренды и тенденции социального развития, институтов, социальной идентификации и формирования мировоззренческих установок, перестав быть просто метафорой, символической структурой. В силу того, что информация и цифровые решения определяют условия общественного развития.

Комбинация глобальных трендов, новых информационных угроз и вызовов в сочетании с локальными процессами, со структурными и институциональными

факторами предопределяет набор сценарных условий устойчивого развития, угрозы и возможности политического управления, обуславливают поиск новых моделей и технологий обеспечения информационной безопасности.

**Информационная безопасность, информационная идентичность и информационная культура.** Процессы цифровой трансформации и неоднозначность их влияния вновь усилили потребность четкого концептуального определения информационной безопасности, подходов к определению ее роли и структурным элементам, механизмов ее реализации с учетом меняющихся контекстов. Несмотря на то, что само понятие информационной безопасности не ново (находит отражение на уровне законодательства), вместе с тем, его границы и смысловое наполнения существенным образом различается.

В отсутствии единого смыслового пространства достаточно проблематичным становится определение составляющих государственной политика в данной сфере, субъектов, границ ответственности, ее организационного, инфраструктурного и технологического обеспечения.

Вопрос государственной информационной безопасности невозможно рассматривать в отрыве от национальной. С момента возникновения государственности как таковой в качестве ключевого направления выделяется обеспечение защищенности от внешних и внутренних угроз, вместе с тем, к данной сфере деятельности всегда предъявлялись особые требования, не только обеспечение гибкости и соответствия меняющимся контекстам, но ее стратегический фокус, направленность на предупреждение рисков и угроз и опережение предпринимаемыми мерами их возможных негативных последствий.

В имеющейся исследовательской традиции, переосмысливаются, «перемешиваются» базовые социальные институты, такие феномены, как «паттерны опыта», «паттерны жизни» (используя терминологию Э. Тоффлера) [14], содержания государственных политики и стратегий, механизмов их реализации. Если первоначально объясняющие модели были преимущественно связаны с исследованием разнообразных линейных тенденций развития, разворачивающихся во времени и в пространстве, то на современном этапе внимание фокусируется на нелинейных процессах, связях, взаимозависимостях в пространстве флуктуации, определении новых предикторов, условий, значимых причинно-функциональных связей в постоянно меняющемся информационно-коммуникативном мире [10].

Обеспечение национальной безопасности всегда находится в эпицентре политического внимания. В Конституции Российской Федерации, установлены фундаментальные ценности и принципы, формирующие основы российского общества, безопасности страны, дальнейшего развития России в качестве правового социального государства, в котором высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, повышение благосостояния народа, защита достоинства граждан Российской Федерации [6], Федеральным законом «О безопасности» [16].

В Федеральном законе устанавливается, что государственная политика в области обеспечения безопасности является «частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер» [16].

В Стратегии национальной безопасности дается следующее определение национальной безопасности «национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [15], определены национальные приоритеты, к числу которых отнесены «сбережение народа и развитие человеческого потенциала; оборона государства; государственная и общественная безопасность; информационная безопасность; экономическая безопасность; научно-технологическое развитие; экологическая безопасность; защита духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество» [15].

Вопросы взаимодействия субъектов обеспечения национальной безопасности, определение новых метрик и параметров оценки уровня защищенности, повышение роли прогнозной аналитики, превенция и предупреждающая политика, направленная на снижение влияния возможных негативных факторов, создающих потенциальную угрозу стабильности и национальной безопасности, выходят в настоящее время на первый план научной дискуссии [15]. Как справедливо отмечается, «национальная безопасность – состояние государства, которое характеризуется отсутствием или своевременной нейтрализацией внешних и внутренних угроз ее единству, а также обеспечением защиты наиболее значимых интересов общества и государственной власти» [7]. Информационная безопасность и национальная безопасность рассматриваются как взаимосвязанные родовые понятия, соотносятся как целое и частное.

В условиях изменения внешнеполитической повестки, усиления деструктивных методов воздействия и киберугроз в условиях формирующейся информационной культуры и цифровой компетентности, особое значение приобретает государственная политика в области развития информационной безопасности [4]. Важно отметить, что в последнее время при раскрытии сущности и содержания информационной безопасности все большее внимание акцентируется на уровне защищенности личности, общества и государства, то есть данная категория защищенности как ключевой характеристики, отражающей сущность информационной безопасности, не может сводиться к контрольно-надзорным функциям.

Обеспечение стабильности и формирование условий для устойчивого развития связывается не только на модернизации технической составляющей, но прежде всего с развитием информационной культуры, культуры информационной безопасности. Выстраивание эффективной политики информационной безопасности связывается не только технологиями политической коммуникации в условиях информационных войн с учетом национальных интересов, но и комплексным человекомерным подходом, направленном на развитие системы медиобразования повышение цифровой готовности.

### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Азимов Ф.А.** Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2021. № 4.
2. **Буров В.В., Петров М.В., Шклярчук М.С., Шаров А.В.** «Государство как платформа»: подход к реализации высокотехнологичной системы государственного управления // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 3.
3. **Емельянова Е.В., Петрянин А.В.** Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: переоценка современных вызовов // Вестник БелЮИ МВД России. 2021. № 4.
4. **Жигулин Г.П.** Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности. СПб.: СПбНИУИТМО, 2014.
5. **Казанцев С.В.** О новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Мир новой экономики. 2015. № 3.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.
7. **Кравченко С.А.** Социология в движении: востребованность гуманистического цифрового поворота // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. № 3 // <https://elibrary.ru/item.asp?id=40101053>.
8. **Молчанов Н.А., Егоров В.П., Матевосова Е.К.** Новые аспекты правового регулирования государственного стратегического планирования в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2.
9. Окинавская хартия Глобального информационного общества // <http://www.kremlin.ru/supplement/3170>.
10. **Плотников В.А., Пролубников А.В., Рукинов М.В.** Институционально-стратегические аспекты государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Глобальная ядерная безопасность. 2020. № 2 (35).

11. **Пономарев А.И.** О стратегии и системе обеспечения национальных интересов // Национальная безопасность / nota bene. 2017. № 1 (48).
12. **Смотряцкая И.И.** Государственное управление в условиях развития цифровой экономики: стратегические вызовы и риски // ЭТАП. 2018. № 4.
13. **Степанов А.В.** Понятие категории «Национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28).
14. **Тоффлер Э.** Шок будущего: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
15. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.
16. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (в ред. Федеральных законов от 05.10.2015 № 285-ФЗ, от 06.02.2020 № 6-ФЗ, от 09.11.2020 № 365-ФЗ, от 28.04.2023 № 155-ФЗ, от 10.07.2023 № 286-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2011 г. № 1 ст. 2.
17. **Федотова В.Г.** Жизнь в условиях коронавируса // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3.
18. **Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник.** СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020.
19. **Яковлев-Чернышев В.А.** Цифровизация государственного управления в российской федерации: преимущества и риски // **ВВ:** Административное право и практика администрирования. 2021. № 2.
20. Digital government 2020: prospects for Russia // <https://documents.vsemirnyjbank.org/ru/publication/documents-reports/documentdetail/690171468181130951/> Цифровое-правительство-2020-перспективы-для-России.
21. **Gray J., Rumpfe B.** Models for the digital transformation // Software & Systems Modeling. 2017. Vol. 17. No. 2.
22. **Marres N.** Digital Sociology. The Reinvention of Social Research. Cambridge; Polity Press, 2017.
23. **Reis J., Amorim M., Melão N., Matos P.** Digital Transformation: A Literature Review and Guidelines for Future Research. In: Á. Rocha et al. (Eds.): WorldCIST'18 2018. 2018 // <https://doi.org/10.1007/>.

**V.V. SILKIN**

Doctor of Political Sciences, Professor,  
Dean of the Faculty of Journalism, Institute of Social  
Sciences and Public Administration, Russian Presidential Academy of National  
Economy and Public Administration under the  
President of the Russian Federation,  
Moscow, Russia

## **INFORMATION SECURITY IN THE CONDITIONS OF THE «NEW SOCIAL NORMALITY»: RISKS, MODELS AND METRICS**

*«Information society», digital revolution, digital transformation are increasingly used in scientific and socio-political discourse as a characteristic of modern society, become the focus of attention in the analysis of ongoing changes in the system of social relations, the social as a whole. The author considers digital transformation, the formation of a new social reality actualize the need to form an adequate response from government institutions, determine optimal parameters that contribute to the sustainability of the development of the public administration system as a dynamic socio-communicative system. The author notes that modern socio-political realities require a high-quality understanding of the place and role of the analysis of configurations of actors in the space of political communication, unfolding information exchanges in the context of digital transformation.*

**Key words:** *information society, digital transformation, political communication, new social normality, information security.*